

Волгарь. Н. Новгород.

1894. 7 июля. № 153.

С. 2.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Добротворная Машенька и «Пять тысяч» г. Мачета. — Устройство внутреннего хозяйства и женский пол на Сахалине. — Несчастные жертвы любви и долга. — Мужской эгоизм. — Усыновленные старики. — Рабочий и махина. Рабы машин. — Г. Венюков в роли предсказателя будущего.

У наших господ Антроповых, прогоревших представителей старинного дворянского рода, олузжия горничной красавица Машенька. Антроповы жили в гостинице и все обитатели ее за Машенькой ухаживали, но Машенька предпочла им все же молодого купца Лимонова, сочетавшегося с ней законным браком. Соединение двух любящих сердец не обошлось без трагикомических перипетий... Машенька сначала удивилась от изжиных излияний чувств Лимонова, Лимонов с молодым господином Антроповым, утешавшим его, закутить, отправился в изломанном виде объясниться с Машенькой, но visto что не встретила старого господина Антропова, взявшего ее него за вторжение в чужую квартиру пачесть рублей штрафа «за пользу бедного семейства». Наконец, все устроилось, как по писанному, молодые уехали на родину Лимонова и зажили своим домкомом...

Мирная жизнь Машеньки продолжалась недолго. Господин Антропов обвинил ее в воровстве, Машеньку взяли под арест и не стану отправил в тюрьму.

Лимонов брошен в господину Антропову унавать, в чем дело... Оказалось, что у старого господина Антропова была вещь молодой господин Антропов, а старый господин Антропов обвинил в покраже Машеньку Лимонову.

Господин Антропов — отец не повзрел в виновности своего сына и обвинил Лимонову, что он согласился освободить Машеньку лишь за пять тысяч рублей (стоимость пропавших вещей). Требования старого господина Антропова воспротивились его жена и дочь Софья Ариадьевна. Машеньку освободили без уплаты контрибуции.

Но было уже поздно. С огорчения и непривычки в тюремной жизни Машенька заболела воспалением легких и умерла, наказав мужу отвести Антроповым пять тысяч рублей, чтобы спасти господ от разорения...

Через несколько лет Софья Ариадьевна, ставшая сельской учительницей, узнала что пять тысяч Лимонову...

Такова фабула довольно запутанной истории, которую рассказывает г. Мачета в новом произведении г. Мачета, озаглавленном «Пять тысяч» («Русская Мысль» за июль). Г. Мачету угодно было заставить Лимонова рассказывать все это, и притом в весьма пространном виде, на пароходе. Жаль, что автору понадобилось заимствовать для своей не лишней достоинств рассказ в такую неправдоподобную форму... Не лучше ли было бы, если бы рассказ Лимонова был напечатан без авторского вступления, занятого описанием планов на речном пароходе...

К числу достоинств произведения г. Мачета следует отнести прекрасную обрисовку мужских персонажей рассказа, особенно старого господина Антропова и купца Лимонова. Старый купец, очутившийся на мели после освобождения преставил и не брезгающий измазаньем трибуций с закутанного купца, очерчен очень характерно и живописно. Больше распылять образ купца Лимонова, но эту распыленность нельзя поставить в упрек автору... Душа Лимонова — мягкий воск, из которого можно вылить что угодно... Хорошо, что он попал под влияние честной Машеньки и оступился... Но будь Машенька особь другого сорта — я Лимонов, ничего сумел, закутил бы так же, как и с молодым господином Антроповым. Жизнь подобных натур зависит от окружающей их обстановки... Угнетают их окружающие — и «мягкий воск» обращается в нечто смиренное, безотвратное... Боясь их — готов типичный самодур... Вид в самодурство не что иное, как безхарактерность...

Менее ярко очерчен г. Мачетом и Машенька, и Софья Ариадьевна. Последняя является, впрочем, лишь в конце рассказа, но Машенька повсюду бездельна. Та сцена, в которой Машенька приказывает Лимонову дать Антроповым пять тысяч, написана довольно чувствительно, но немного прибавляет нового из характеристик героини г. Мачета. Трудно живописать воплощенную доброту, читатель...

От добротворной красавицы Машеньки переходим к малопривлекательным обитательницам одной из областей обширного русского государства, жители которой лишены начальства своим такого сорта прошения: прошения покорные ваше — дие отпустить им богатого скота для млекопитания в вышеупомянутую местность и женского пола для устройства внутреннего хозяйства...

Подобные прошения обыкновенно удовлетворяются начальством, которое «по мнрв возможности» отпускает женского пола» означенному населению.

Такие прошения подаются начальству на Сахалине. Там на 100 мужчин приходится нередко не более 25 женщин, и поэтому начальство задало на себя работу о сватаньи невест для каторжных и поселенцев. Невесты привозят со всех концов Российской Империи. Это — женщины, приговоренные к каторжным работам или добровольно следующие за семьями на каторгу родными... Для каторжниц всякой каторжной работы не установлено и их прямо с парохода развозят по разным округам и отдают в семействы переселенцам. К сожалению, по словам г. Чехова, продающего в «Русской Мысли» печатание своих «Очерков Сахалина», — не служат помехой ни старость женщин, ни различие этносоциальных, ни бродячие животные сословия. Русские женщины соглашались даже с магометанами...

Но не все женщины Сахалина пришли туда поневоле. Очень многие явились на остров добровольно с мужьями и родными — каторжниками. Г. Чехов насчитал всего 697 женщин свободного сословия и крестьянок, перечисленных из поселенцев. Свободных женщин привезли на Сахалин для оселения, жалость до самопожертвования осужденных мужьями, или «непоколебимая сила убеждения» из святости и ненарушимости брака... Многих мужья заманили на Сахалин обманом, расплачиваясь за письма на родину свое жатое — бытие на подобие райского...

Тяжело положение свободной женщины на острове вынуждения, хуже положение каторжной «поселки». Последняя пользуется, по крайней мере, казенным иском, а свободной женщины предоставлено право... самой добывать себе пропитание. И вот несчастные жертвы любви или долга сначала испытывают голода, а потом, соблазненные со всех сторон, подталкиваемые к разврату даже мужьями, пускаются во все тяжкие, падают все ниже и ниже...

Насколько самоотверженны женщины, следующие за мужьями в каторгу, настолько же эгоистичны «муженовцы». На Сахалине, по словам г. Чехова, в настоящее время живет только три свободных мужчины, следовавших за женами — каторжниками...

Нечаянно положение сахалинских детей. В горькой поселенческой дичи ро-

дятся и растет ребенок, перенимая безосновательно от взрослых их „честные нравы“... Даже детские игры подчиняются влиянию каторжной обстановки. Одна из распространенных игр — игра в бродяжничество. Один мальчик „уходит бродяжить“, а остальные, изображая полицию, стараются поймать и поколотить его...

Грустно жить детям в стране изгнания... Но и среди каторжного народа нередко являются проблески стремления к жизни семейной, к кругу родных... На Сахалине не редкость — усыновление. Во многих случаях оно совершается, конечно, с корыстной целью, но также часто целью усыновления чисты и достойны уважения. Стремление жить в семье, иметь нравственную поддержку в близком человеческом существе даже среди „отверженного“ Сахалинского населения... Выявляют сь усыновлением и курьезы. Например, поселенец Иван Иванович, 60 лет от роду, считается приемным сыном поселенца Евгения Ефимова, 42 лет...

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно... — думается возможно при чтении рассказов г. Чехова о попытках сахалинцев создать себе „суррогат“ семьи... В попытках этих нельзя не видеть проявления искры Божией, теплещейся в душах „отверженных“, — любви к блаженству, к семейному очагу...

Но довольно о Сахалине и его каторжных обитателях... Поговорим лучше о чем-нибудь другом, хотя бы о положении рабочих на фабриках и промыслах (ст. К. И. Тумского в июльской кн. «Р. М.»)...

Знаете ли вы, читатель, какою ценою покупаются те удобства, которыми мы пользуемся, как самыми необходимыми дарами европейской культуры XIX века? Во что, например, обходится выделка куска полотна, ситца или сукна на наших фабриках? Стоимость полотна складается, конечно, из стоимости материала, стоимости работы, известной процента в пользу фабриканта, в пользу продавца — в общем получается очень небольшая сумма. Но к ней надо приложить еще одну очень ценную или, если хотите, безценную величину — жизнь человеческую, которую расходуют рабочие при выделке полотна... Мы говорим не о случайных „расходах“ жизни — несчастных случаях, а о постоянном расхищении здоровья, кончающемся преждевременным одряхлением и напрасною смертью...

Вот что рассказывает, напр., г. Тумский о работах при волоконистых производствах, при обрабатывании хлопка, льна. Пильщики этих материалов, проливая в легки, производят легочными болезнями, бугорчатку... Работа на сельхоторах (приданных машинах) требует пребывания во влажной и теплой (до 28°) атмосфере и напряжения нервов... Последствиями этой работы являются болезни раннего сорта, преимущественно нервные, и вырождение слепящих поколений.

Особенно губительное влияние на здоровье рабочего оказывают заветы на больших фабриках, где работы идут непрерывно и где воздух не может, следовательно, освежаться в течение ночи, как на мелких фабриках, по ночам не работающих.

Способствуют вырождению населения также и машины, обращающие рабочего в своего раба и требующие от него неустанный внимания и напряжения нервов. Г. Тумский указывает на разницу, замеченную им между ткачами и самоткачами (работающими при ткацких машинах). Первые в общем имеют более здоровый вид, чем вторые, между тем как работа на ткацких машинах, с первого взгляда, кажется очень легкой. Необходимо только непрерывное напряжение внимания... За внимательность машина наказывает своего раба подчас очень жестоко... Испорчен материал, затка прошла не так, как следует, и рабочий оштрафован...

Не один только волоконистый производитель имеет привычку приносить себя в жертву человеческой жизни. Как видно из статьи г. Тумского, и другие отрасли промышленности пользуются этим правом. Каждое производство обладает своим профессиональным болезнями, перечисление которых заняло бы не мало места.

Много еще времени пройдет, пока жизнь и здоровье рабочих будут находиться в большей безопасности, а до тех пор все будут непроизводительно расходоваться сотни и тысячи человеческих жизней, выродятся целые поколения, приносимые в жертву ненаемному Молоху — культуре конца XIX века...

Пройдут века, и на современного европейца, гордого своей цивилизацией, потомки его будут смотреть, вероятно, как на варвара... И она отчасти будет правы. Когда изобретены новые способы порабощения людей — порабощения машинами? В XIX веке. Когда выду-

мань анархизм, не признающий ничего святого, на все посягающий дерзновенною рукою? В том же XIX веке. Когда, наконец, цыгане народы стали под ружье, готовясь начать братоубийственную войну. Когда все делалось для комфорта немногих, а почти ничего для массы народных?.. Все в том же XIX веке...

Среда смутного времени, охватившего мир, из грохота анархистских ярлыков, из шума все отрицающих речей, из брагания оружия, из этой неветовой эргии культурного человека лица XIX века, почти не слышно великого зова, провозглашенного девятнадцатым веком тому назад: любви ближнего своего...

Одним из признаков смутного времени и неуверенности в том, что ожидает в будущем извращающегося к себе европейского человека, должно признать усилившуюся в последние годы страсть к предсказанию будущего не только с помощью различных гадалок, но и при благосклонном участии ученых и неученых мужей. С легкой руки американца Беллами и у нас, в западной Европе появилось немало своих Беллами ученых и полуученых... Наша Беллами, впрочем, не дерзнула разгадывать всю великую загадку будущего, а фантазирует только на сравнительно малом тем.

Читатели помнят, вероятно, печатавшиеся в «Русском Вестнике» замыслы парижского Беллами — еврейского банкира Блюха о будущей войне России с западными соседями... Примеру «Русского Вестника» последовала теперь и «Русская Мысль», запечатлев предсказаниям виртуальной будущности Индийского океана, составленное г. Венюковым.

Разница между творением г. Блюха и исследованием г. Венюкова заключается в том, что варшавский банкир, пишущий о будущей войне, изображает из себя армянского пиromanа, принавшего за сапожное ремесло, а г. Венюков говорить о будущей Индийского океана, вооруженный знаниями специалиста и многочисленными личными наблюдениями...

Г. Венюков решает вопрос о будущей Индийского океана и притягивает к нему страны в пользу англичан... Будет ли так, как полагают авторы, можно усомниться... Но, во всяком случае, приятно прочесть даже в „сантазиизме“ ученого и наблюдательного человека...

Николай Анаёмовъ.